

The article examines phraseological units with a somatic component of the Byelorussian and the English languages; on the basis of the comparative method the factors of origin and specificity of interlanguage somatic phraseological analogues are determined; special attention is paid to the decoding the internal form of phraseological units.

УДК 811.161.1'42'373.231:821.161.1-31*Ф.М.Достоевский

Н. И. ЛАПИЦКАЯ

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНЫХ ИМЁН В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

В статье рассматриваются особенности употребления некоторых личных имён в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»: делаются попытки показать, как меняется мировоззрение автора перед ссылкой. Через систему онимов романа писатель уже меньше внимания уделяет исследованию влияния на человека социальной среды. Главным предметом его наблюдений становятся родовые качества человеческой личности. Это обогащает и поэтонимическую лабораторию художника, где не только развиваются прежде обозначившиеся тенденции, но и закладываются новые.

Одной из серьезных попыток в области большого эпического жанра Ф. М. Достоевского становится неоконченный роман «Неточка Незванова». Завершению произведения препятствует неожиданный арест писателя. Однако те фрагменты, которые успели попасть в печать, помогают увидеть движение его мировоззрения и выявить ключевые сдвиги в формировании антропологии. Согласно заключению В. Н. Захарова, Ф. М. Достоевский смело экспериментирует с традиционной жанровой формой, апробируя различные концепции романа, сложившиеся в мировой литературе. И если сентиментальная и романтическая модель этого жанра реализуется в дебютном произведении литератора, то «Неточка Незванова» – опыт в области романа воспитания [1, с. 125].

Героями первой части незавершенного текста вновь оказываются бедные люди: странное семейство скрипача Ефимова. Сам Егор Петрович Ефимов – человек, чья судьба замечательна. Его отец был музыкантом. По стопам родителя пошел и сын, потому что ему достался особый дар – инстинктивное понимание искусства. Однако он не желает развивать талант, не прикладывает никаких усилий для усовершенствования исполнительской техники и овладения основами музыкальной теории. На его примере романист исследует психологию творчества, ведь и сам не понаслышке знает, как много следует трудиться, чтобы добиться признания своих способностей.

Макар Алексеевич Девушкин был первым героем Ф. М. Достоевского, для которого процесс написания частных посланий явился не будничным занятием, а деятельностью художника, способом творческого самовыражения. Но Девушкин может лишь робко мечтать о сборнике своих стихотворений, понимая, что, выйди книжка в свет, он тогда на Невский не смел бы показаться. Егор Петрович не таков. Он почитает себя за первоклассного гения и строит колоссальные, хотя абсолютно иллюзорные планы на будущее. Антропоним героя выражает амбициозность его натуры.

Уже в этом произведении Ф. М. Достоевский подступает к разработке еще одной серьезной темы – темы национального характера, получившей дальнейшее развитие в романе «Игрок». Он вводит в повествование скрипача немца Б., который стремится к своей цели упрямо, систематически, с совершенным сознанием сил своих и почти рассчитав заранее, что из него выйдет расчет оправдывается, и Б. признают авторитетом в мире музыки.

Именно в реплике Б., которую он адресует Ефимову, таится ключ к прочтению поэтонима последнего: «Я не зарыл свой талант, как ленивый раб, а возрастил сторицею». Имя *Егор* – от греч. ‘земледелец’ – знаменует необходимость упорной работы, в том числе и над собой, олицетворяет трудолюбие и терпение. И если бы герой не сошел с пути, предназначенного ему, то смог бы не только превзойти Б. силой дарования, но и преодолеть внутренний разлад и прийти к душевному равновесию (*Ефимий* – от греч. ‘благодарный’) [2, с. 148–149].

Падчерица Ефимова Неточка Незванова – ребенок со сложной судьбой. Изначально Ф. М. Достоевский планировал изобразить ее становление в динамике, избрав и соответствующий подзаголовок для журнальной версии романа – «История одной женщины». Однако дошедший до нас текст включает лишь рассказ о ее детстве и начале взросления.

Девочка только с девятого года начинает осознавать себя и понимать, что все происходящее в ее семействе противоречит здравому смыслу. Вечно недовольная мать, вынужденная работать за жалкие гроши, и пьяница отчим, который давно забросил скрипку, составляют неподходящую пару. Однако именно к отцу Неточка испытывает странные, совсем не детские чувства. Образ музыканта определяет ее первые впечатления от жизни, что затем властно скажется на будущем.

Мать в глазах девочки навсегда останется противницей Ефимова, и ее смерть будет желанной для дочери. Имени покойницы читатель не узнает. Однако есть все основания полагать, что несчастная женщина также носит фамилию Незванова. Словом же *Незван*, как известно, нарекали «ребенка нежеланного, незваного пришельца в семью» [3].

Подобным способом, вероятно, автор хочет продемонстрировать, что ни «энтузиастка, мечтательница», которая увидела в Ефимове какого-то гения, ни ее дитя, обоготворившее отчима, не нужны безмерно возгордившемуся и заносчивому скрипачу [2, с. 153].

Мать изобретает для ребенка собственное интимное именование – *Неточка*, напоминающее о чувствительных героинях литературы сентиментализма. В опубликованных частях романа практически не используется традиционный вариант слова *Анна*. Чаще девочку окликают *Аннетой*, *Неточкой*. Таким образом, на фонетическом уровне внимание акцентируется на настойчиво повторяемом «НЕТ»: «*АнНЕТа – НЕТочка – НЕЗванова*». Считаем логичным связать это с коллизией романтического отчуждения девочки от жизни, на что обращает внимание и Г. К. Щенников. Ведь с малолетства она как бы уходит «в свою мечту, идею, в свой образ мира» [4, с. 96–97].

Однако и в последующих главах, где Ф. М. Достоевский вводит осиротевшую падчерицу скрипача в абсолютно иную среду – дом с красными занавесами – ее обособленность не исчезает. Таким образом, утверждается мысль, что сложность человеческих взаимоотношений определяется не только социальными обстоятельствами.

Злобное противопоставление себя людям, самоутверждение путем духовного насилия над слабым существом, чаще всего женщиной, мы наблюдаем не только у Ефимова, но и у состоятельного господина Петра Александровича. Обратим внимание на общий компонент поэтонимов героев, значение которого в именованном Ф. М. Достоевского продолжает обрастать новыми негативными коннотациями. Посредством имени *Петр* писатель исподволь доносит мысль о деспотизме его носителей, об отвержении, окаменелости их сердец.

При этом, создавая образ честолюбивого джентльмена, Ф. М. Достоевский стоит на пороге новых представлений об изломанной человеческой натуре. Он приоткрывает изнанку характера ущербного существа, таящую демонические черты, которую Неточка сумела разглядеть с первых минут знакомства с Петром Александровичем. В романную характерологию явно проникают доказательства того, что Ф. М. Достоевский уже начинает задумываться о бесовской одержимости поврежденных душ.

Между тем, главная героиня романа имеет силы противостоять Петру Александровичу, не озлобясь и не пытаясь еще больше отдалиться от других. Переходя из семейства в семейство, Неточка крепнет душой и нравственно взрослеет. Но по-настоящему воспитало ее не сопротивление обстоятельствам и людям, а искусство и сама жизнь. Так, в раннем детстве ее поражает загадочная творческая личность Ефимова. Затем на ее пути появляется княжна Катя,

которая в душе Неточки впервые вызывает эстетическое чувство, за что та искренне влюбляется в княжну. Девочка прекрасно понимает, что главным в характере избалованной, самовластной Кати является гордость и эгоизм, однако сознает, что чувство справедливости всегда брало верх в ее сердце. Природная чистота передается и поэтонимом *Катерина* – от греч. 'чистая'.

Юность Неточки, как помним, взлелеяла Александра Михайловна, с жаром взявшаяся за воспитание приемыша. Однако характер женщины робок и слаб, она – уязвленное сердце, тяжело переносившее жизнь [2, с. 206].

Тем не менее Александра Михайловна всегда защищает девочку от упреков и обвинений мужа, ставшего на сторону зла (*Александр* – от греч. 'защитник людей', *Михаил* – от др.-евр. 'подобный Богу').

Кроме того, в процесс формирования подростка вторгаются и другие факторы. Художественное дарование Неточки – чудный голос. Воспитывает ее приключение, в котором укрепляется чувство справедливости. Отважно защищает она высокие нравственные принципы. В этот контекст вписывается и семантика полного имени героини *Анна* – от др.-евр. милостивая. Здесь же актуализируется и второе возможное значение антропонима, составляющего основу ее фамилии: *Незван* – это еще и слово, оберегающее от «нечистой силы» [5, с. 334]. Таким образом, поэтоним передает цельность, независимость и силу духа девочки, противопоставляя ее внутренне несвободному антиподу.

Антропонимический фон произведения является довольно скромным. Это, без сомнения, объясняется тем, что оно не было дописано Ф. М. Достоевским до каторги, не законченным осталось и по возвращении из Сибири. Однако употребленные здесь приемы именования второстепенных лиц будут повторены и в следующем романе автора – «Униженные и оскорбленные». Так, уже в «Неточке Незвановой» появляется заботливая нянька-француженка мадам Леотар; танцор-неудачник родом из Германии Карл Федорович Мейер (комический образ самого чувствительного, самого нежного человека в мире), персонажи, чьи фамилии скрыты под заглавной буквой – знаменитый скрипач Б., музыкальный гений С-ц, князь и княгиня Х-ие. [2, с. 167]

Как видим, ко времени создания романа Неточка Незванова мировоззрение Ф. М. Достоевского заметно усложняется. Окончательно разошедшись с натуральной школой, он уже меньше внимания уделяет исследованию влияния на человека социальной среды. Главным предметом его наблюдений становятся родовые качества человеческой личности. Это обогащает и поэтонимическую лабораторию художника, где не только развиваются прежде обогатившиеся тенденции, но и закладываются новые.

В романах «Бедные люди» и «Неточка Незванова» Ф. М. Достоевский нащупывает принципы и функции антропонимии, ставшие затем базисными в его имитаторстве. На этом этапе автор опирается на существующие литературные традиции (в частности, классицизма, сентиментализма), изучает ономастическое мастерство своего ближайшего предшественника Н. В. Гоголя. Однако основными катализаторами поисков в области именологии у Ф. М. Достоевского становятся фольклорные, мифологические и социально-психологические ассоциации, обусловленные впечатлениями, накопленными в детстве и юности. Кроме того, домашнее воспитание в духе православной культуры способствуют тому, что уже в именословных ранних произведениях проникает небольшая доля религиозно коннотированных онимов.

Поэтонимосфера же первых послекаторжных романов зримо подчиняется выражению духовно-нравственных представлений Ф. М. Достоевского, пережившего в Сибири перерождение убеждений. Отчетливое религиозно-философское начало соединяется в ней с социально-психологическим.

Список использованной литературы

1 Захаров, В. Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика) / В. Н. Захаров. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 208 с.

2 Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Т. 2 : Повести и рассказы 1848–1859. – Л. : Наука, 1972. – 528 с.

3 Федосюк, Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь [Электронный ресурс] / Ю. А. Федосюк. – [7-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 240 с. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/846202/>.

4 Щенников, Г. К. Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского / Г. К. Щенников // Достоевский. Материалы и исследования : в 19 т. / [отв. ред. Г. М. Фридлендер]. – Л. : Наука. – Т. 5. – 1983. – С. 90–100.

5 Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М. : ООО «Изд-во Астрель», ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2001. – 672 с.

This article examines the use of certain personal names in Fyodor Dostoevsky's unfinished novel, *Netochka Nezvanova*, attempting to demonstrate how the author's worldview changes before his exile. Through the novel's system of onyms, the writer devotes less attention to exploring the influence of social environment on individuals. The primary focus of his observations becomes the generic qualities of the human personality. This enriches the artist's poetic laboratory, where not only previously identified tendencies are developed but new ones are also established.

УДК 821.161.3-14*А.Разанаў

Т. А. ЛОЗКА

(г. Минск, ДНУ “Цэнтр даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі”)

ЛІРЫЧНАЕ “Я” Ў ПАЭЗІІ А. РАЗАНАВА ЯК УВАСАБЛЕННЕ ТРАНСПЕРСАНАЛЬНАГА ДОСВЕДУ

У артыкуле даследуецца спецыфіка лірычнага “я” ў паэзіі А. Разанава з пазіцыі ўвасаблення трансперсанальнага досведу. Адзначаецца імкненне лірычнага героя да пашырэння межы ўласнага “я” і асэнсавання магчымасцяў чалавечага духу. Сцвярджаецца, што праз апазіцыю мяжы і бязмежжа выяўляецца інтэнцыя аўтара да трансцэндэнтнага – звышвымярэння, дзе чалавек становіцца тоесным Сусвету.

Метафізічная паэзія цесна звязана з паняццем трансцэндэнтнага (лац. – які выходзіць за межы), паколькі скіравана на даследаванне вышэйшай рэальнасці, якая знаходзіцца за межамі звычайнага пачуццёвага ўспрымання. Імкненне выйсці за рамкі “фізічнага” спазнання свету і наблізіцца да трансцэндэнтнага моцна выяўлена ў паэзіі А. Разанава. Лірычны герой заняты пошукам глыбінных сэнсаў, намагаецца зразумець сябе і сваё месца ў свеце, выходзячы пры гэтым за рамкі матэрыяльнага і штодзённага. Калі звярнуцца да тэрміналогіі са сферы псіхалогіі (менавіта гэта навука вывучае паводзіны і мысленне чалавека), то лірычнае “я” А. Разанава ўвасабляе трансперсанальны досвед. Тэрмін “трансперсанальны” азначае “той, што выходзіць за межы асобнага чалавека” і выкарыстоўваецца для абазначэння экспансіі ці пашырэння свядомасці за межы звыклага “я”, а таксама за межы часу і прасторы [1].

Так, у шэрагу твораў лірычны герой ставіць пытанні, што з’яўляюцца асноватворнымі для чалавека пры вызначэнні каардынат у прасторы быцця: “Хто я?”, “Куды я іду?”, “Навошта?” і “З якой мэтай?”:

Падводны плывец, час ад часу вынырваю на паверхню, і ўсё наваколле зварочвае на мяне сваю ўвагу, спрабуючы высветліць і мне давесці, хто я такі [2, с. 343];

У левую руку мне даюць паражэнне, але ў правую я паспяваю ўзяць перамогу.

Тады ў правую руку мне даюць радасць, але я працягваю левую руку і бяру скруху...

У мяне пытаюцца: хто ты? [2, с. 219]

“Хто я?” – гэта зыходная каардыната, ад якой пачынаюцца пошукі лірычнага героя. Толькі пасля таго, як паўстае пытанне пра сутнасць чалавека, якое задаецца на ўзроўні надасабовага, становяцца магчымымі далейшыя інтэнцыі на шляху духоўнай эвалюцыі. Духоўнае ўзрастанне асобы А. Разанаў разумее менавіта як шлях, таму ён наўмысна не дае пэўных адказаў: